

4. Казаков Ю. П. Поедемте в Лопшеньгу.– М.: Совет. писатель, 1983.– 560 с.
5. Стральцоў М. Л. Ад маладзіка да поўні: апавяданні, аповесці, эсэ.– Мінск: Маст. літ., 2005.– 430 с.
6. Тюпа В. И. Произведение и его имя // Литературный текст: проблемы и методы исследования: Сб. науч. тр.– М.; Тверь, 2000 // <http://poetics.nm.ru>.

УДК 80.01

Виктор Удалов

СЛАВЯНСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПЬЕСЫ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА „НА ЗОЛОТОМ ДНЕ”

Речь идет о пьесе “Золотопромышленники” (1887) и ее окончательной редакции – комедии „На золотом дне (1888)”. Пьеса по праву является предшественницей „новой драмы” – пьес чеховского типа.

Ключевые слова: Мамин-Сибиряк, „Золотопромышленники”, „На золотом дне”, пьеса чеховского типа.

Удалов В. Слов’янська рецепція п’єси Д. Н. Маміна-Сибіряка „На золотому дні”. Ідеться про п’єсу „Золотопромисловці” (1887) та її остаточну редакцію – комедію „На золотому дні” (1888). П’єса є попередницею „нової драми”, п’єс чеховського типу.

Ключові слова: Д. Н. Мамін-Сибіряк, „Золотопромисловці”, „На золотому дні”, п’єса чеховського типу.

Udalov V. Mamin-Sibiriak’s Comedy „On a Gold Bottom” (Final Edition of the Play „Obtaining Gold”). The speech goes about the play „Obtaining gold” (1887) – and about final edition of a comedy „On a gold bottom” (1888). Play under the right precedes „a new drama”, plays Chehov’s type.

Key words: Mamin-Sibiriak, „Obtaining gold”, „On a gold bottom”, plays Chehov’s type.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) вошел в литературу как один из крупных представителей критического реализма в русской литературе конца XIX – начала XX в. наряду с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко.

Мамин-Сибиряк-прозаик широко известен: он автор романов “Приваловские миллионы” (1883), „Горное гнездо” (1884), „Золото”

(1892), „Хлеб” (1895), „Уральских рассказов” (1888–1889), автор „Аленушкиных сказок” (1894–1896).

Но славянская рецепция *драматургии* Мамина-Сибиряка до сих пор слабо представлена и в литературоведении, и на сцене. Как правило, в вузовских учебниках о ней нет ни слова [4; 5; 6]. Исключение – учебник М. В. Теплинского „История русской литературы XIX в.” для студентов специальности „Украинский язык и литература” (К., 1991), где сказано: „Не была удачной и сценическая судьба пьесы Мамина-Сибиряка, который по справедливости считается одним из предшественников Чехова в разработке идейно-художественных принципов „новой драмы” [9, 340].

Между тем Мамин-Сибиряк – автор десятка пьес, из них двух очень значительных. Одна – это не видевшая сцены „Маленькая правда” (1890). Другая – „Золотопромышленники” (1887), известная больше под названием “На золотом дне” (первоначальное название, использованное театрами). Эту пьесу знали в свое время в России, Украине, Болгарии, а также в Германии, Франции. В 50–70-е гг. XX в. „Золотопромышленники” известны и по кинофильму „Во власти золота” (1957) Свердловской киностудии.

В 80–90-е гг. XX и в начале XXI века кинофильм забыт, других киноверсий не последовало, а сама пьеса сошла со сцены. Все это крупный ущерб в деле изучения и овладения богатствами мировой классики.

Дело в том, что *настоящий* Мамин-Сибиряк–драматург так до сих пор и не известен. Не знаем его не только как автора „Золотопромышленников”, но и как автора *окончательной редакции* этой пьесы (до сих пор пока не опубликованной), не говоря уже о „Маленькой правде”, также злободневной для наших дней.

Вначале скажем о постановках, кинофильме и самом печатном тексте „Золотопромышленников”. В отличие от печатного текста в постановках и кинофильме – новые финалы. Есть купюры, дополнения, резкие изменения. Противоположны трактовки сюжета, образов, понимание идейного смысла пьесы.

Так, в бывшем Ленинградском театре драмы им. А. Пушкина (1954), Калининском (1955), Измаильском (Украина, 1958), Калужском (1965), других театрах (70-е гг.) пьеса ставилась в духе модных мелодрам и водевилей XIX века, с фальшивыми пережи-

ваниями героев, картинными позами, чуждыми мотивами и сценами. Душещипательный фильм „Во власти золота” также принес на экран дух „черных романов” XVIII века. В результате, как писала критика, „где-то уже на полпути к финалу терялся Мамин-Сибиряк” [1, 55].

Ну что ж, такая оценка весьма справедлива. Мамин всегда возмущался „драмоделами”, которые “внутреннюю бессодержательность и пустоту стремятся заменить внешними эффектами и оригинальничаньем” [3, 44]. Автор подобной макулатуры он иронически называл “доморощенными Шекспирами” [11, 28].

Иными были спектакли Винницкого, Харьковского, Николаевского театров, (Украина), Свердловского, Московского имени Евгения Вахтангова, Казахстанского, Тульского, где писатель, по свидетельству прессы, был понят как тонкий психолог-реалист, смелый сатирик, знаток быта, морали, нравов своего времени и их обличитель. Стала видна значительность идей пьесы, глубина психологии героев. Имя автора стало произноситься в ряду имен прославленных драматургов. Вместе с тем подлинно маминскими не назовешь и эти спектакли. Прежде всего потому, что они выдержаны в стиле Островского, Сухово-Кобылина, Салтыкова-Щедрина, но не Мамина-Сибиряка. Причины тут разные, главная в том, что в основе постановок и кинофильма лежал *предпоследний* текст пьесы, опубликованный при жизни автора в 1887 году. Этот текст и печатался во всех изданиях в XX веке. В нем, наряду с достоинствами, есть недоработки: местами мелодраматизм (усиленный театрами), расплывчатость ряда образов, иногда нечеткость действия. Это мешало адекватному пониманию авторского замысла, поэтики, отсюда и глубины идейного звучания пьесы.

Постановки Львовского театра (1973, режисер-постановщик С. Ярмолинец) глубже всех, как мы в свое время писали [11], раскрыли замысел драматурга. “Працюючи з друкованим текстом, львівський театр не спокусився зовнішнім малюнком ролей, показав на сцені не побутову чи психологічну драму, а світоглядно-психологічну трагікомедію, близьку за духом чеховським п’єсам” [11, 3]. Показана была жизнь конца XIX в. во всей ужасающей наготе: с двойными стандартами, откровенным развратом, продажностью, моральным разложением, жаждой наживы, властью денег, золота, цинизмом, иными пороками. И все это в более резкой форме, чем у

Чехова в 80-е гг. (сказалась большая обнаженность пороков жизни на Урале). Зритель знакомился не столько с героинными, сколько *внегероинными*, то есть глубинными, социально-закономерными столкновениями (чего герои не осознают) – с *противоположностью двух начал*: стремлением персонажей к благополучию, счастью и, с другой стороны, с грязными путями, какими они шли к цели. Об этом и сказал режиссер, делясь замыслом: “Спектакль покажет: коли людина будує своє щастя на нещасті інших, рветься напролом, не розбираючи дороги, нехтуючи усім світлим і чистим, зраджуючи себе й інших, вона неминуче прийде до краху, духовного розкладу, загибелі” [11, 3]. Все это звучит в унисон с драматургом, который писал: “Издrevле и до днесь Урал – арена исключительных преступлений (в лапах “золотого тельца”). Прежде всего поражает множество и разнообразие преступлений против жизни: убийства, изнасилования, отравления, разбои, грабежи. Об интригах дельцов, о преступлениях против прав имущественных уже не говорим. *Аномалии приняли нормальную форму*”. Этим объясняется острота событий в пьесе Мамин.

Кто же думал, что представшее в пьесе и показанное на львовской и других сценах вновь начнет, в начале XXI века, раскрываться в реальной жизни на славянских просторах. Этот факт, собственно, и заставил нас опять обратиться к материалу пьесы.

Львовяне глубже всех поняли замысел драматурга. И все же автор смотрел дальше. Он обнажил и *исходную* причину коварных путей достижения счастья – *господство над людьми власти золота, денег*. Раскрытию этой мысли служат в пьесе и легенда о царе Мидасе, и обсуждение ее героями, и ряд реплик (из числа купюр спектакля). Именно эта *исходная* причина бед и трагедий героев намного четко предстала в канонической тексте пьесы.

В свое время мы писали: в ЦГАЛИ в Москве хранится письмо Д. Н. Мамин-Сибиряка от 2 сентября 1888 г., адресованное И. М. Кондратьеву. В нем читаем: „*Имею честь известить Вас, что моя пьеса “Золотопромышленники” переделана мною нынешним летом и получена уже из цензуры. Название новое: “На золотом дне”* (10).

Единственный экземпляр этого текста мы обнаружили в 1968 г. в архиве драматической цензуры. Фотокопия текста – у автора статьи. Титульный лист гласит: „*Д. Н. Мамин-Сибиряк. На золотом дне. Комедия в 4-х действиях*”.

Писатель, как видим, вернулся к заглавию ранних редакций пьесы. Театры оказались правы. В остальном – масса изменений: более 300 исправлений, около 100 крупных. Они связаны с устранением мелодраматизма, шлифовкой действия, композиции, характеров ряда героев. Изъят образ Чепракова, смущавший театры.

Окончательно установилось соотношение комического и трагического. Пьеса по сути является *сатирической трагикомедией* (как и наша жизнь сегодня). В ней теперь хорошо видно, как по ходу развития действия *комедийная* легкость характеров, решений, поступков „героев” постоянно сменяется по ходу действия *трагичностью* результатов их поведения. Самые, казалось бы, *веселые* сцены пронизаны теперь *горьким, трагическим* осадком. Трагизм постепенно выходит наружу и заменяет начальную веселость, ведя зрителя к горькому восприятию *трагикомичности жизни* (в пьесе и в реальности).

Работа шла и в другом ракурсе. Устранив отдельные реплики, сцены, автор освободился от лишних деталей, ярче выпятил главную фабулу. В основе ее лежит, оказывается, новаторский, обстоятельный конфликт – *столкновение власти золота (денег) и человечности*.

Отношение к такой *власти* у нас сейчас разное. Есть и восторженное, как в статье “*У грошах – щастя*” (2001), где, в частности, читаем: “Життя – це гра... Треба повторювати багато разів: “Кожний одержує по заслугах. Я гідний жити в роскоші”, – доки ви повірите у це *позитивне* твердження... Ваші батьки могли повторювати, що не в грошах щастя... (Але) якщо ви увесь час думаєте про *творчість чи спорт*, то грошей у вас не побільшає... Щоб мати багато грошей, про них потрібно багато і правильно думати... Звичайно, якщо всі дружно бігатимуть за *матеріальними* благами, то на всіх не вистачить. *Але навіщо вам думати про всіх? Яке вам до них діло? Згадайте спочатку про себе. Якщо на всіх не вистачить, то нехай вистачить хоча б вам!*” И еще: „бізнесмени, що раптом стали турбуватись про *духовне*, звичайно починають втрачати свої грошики...” [11].

Что тут можно сказать? Во-первых, *no comment*, надеюсь, что дикость понятна и без комментариев. Во-вторых, можно доказать, что эти взгляды разрушительны, ибо они противоречат всем принципам и

законам бытия. А можно усвоить опыт прежней жизни, который фиксирует мировая классика, в частности пьеса Мамина-Сибиряка.

Трагикомедию „На золотом дне” (1888) пронизывает главная тема счастья и поисков счастья – в условиях, естественно, той действительности (но она теперь и наша!). Именно к счастью стремится большинство героев, о счастье так или иначе высказываются все действующие лица трагикомедии.

Главная фабула пьесы сводится, если кратко, к следующему.

В уральский город Загорье возвращается молодая девушка Анисья. Она – дочь богатого золотопромышленника Молокова, более трех лет жила у тетки в Нижнем, куда была отправлена отцом (как бы сослана) за то, что любила Васю, приказчика другого золотопромышленника – Засыпкина. Смелая, энергичная, живая, способная на сильное, глубокое чувство, она все три года берегла свою любовь, ею жила, о ней мечтала. Одновременно, воспитанная в среде дельцов, где деньги, золото – это все, она с детства привыкла считать себя богатой невестой и без богатства не мыслила счастья.

Вернувшись, она узнает, что отец разорен Засыпкиным (позже выяснится: чтобы жениться на Анисье), а ее Вася полюбил другую – дочь Засыпкина Лену. И вот, став бесприданницей, лишившись любимого человека, Анисья оказалась перед необходимостью заново строить свою судьбу. После бурных переживаний она заявляет: „Ну, видно, прошлого не воротишь, надо учиться по-новому жить”.

Решенье Анисьи искать новое счастье – завязка. Но развитие пьесы связано, не с внешней борьбой, а с постепенным и ретроспективным раскрытием духовного мира, мировоззрения и судьбы Анисьи, со сменой ее надежд, переживаний, энергичных поисков, разочарований и новых замыслов.

Решив, что можно прожить и без любви, без человеческого счастья, она соглашается ради богатства выйти замуж за старика, который разорил ее отца.

Однако вскоре поняла: “золотое счастье” – обман и радости не принесло. “Давит меня что-то, жжет вот здесь, – признается она наедине с собой. – На богатство польстилась и должна с Иваном Тимофеевичем миловаться...”. Мучаясь сама, она, как постепенно проясняется, мимоволи издевается над окружающими.

Затем у нее появляется новый замысел – к *богатству*, где нет подлинного *счастья*, она решает *добавить любовь* Васи, чтобы удовлетворить потребность в счастье „*человечном*”. В этом и признается Васе.

Не зная, однако, иных путей и способов борьбы за “*человечное счастье*”, Анисья использует те *подлые* приемы, которым ее научила хищническая среда, ежедневная практика дельцов. Она обманывает мужа, возбуждает любовные чувства Васи издевательствами и кокетничанием с Белоносовым, отвлекая этим кокетством внимание мужа и рассеивая сомнения наивной Лены. Отвечая на издевательства мужа еще более циничными издевательствами, она подчиняет его себе. Наконец, с холодным расчетом идет на *моральное преступление* – *заставляет Васю совратить Лену*, чтобы он (вдумайтесь), женившись на Лене и живя в общем доме, мог тайно встречаться с ней, Анисьей.

Казалось бы, теперь цель достигнута: Анисья *и богата, и любима*. Однако в силу вступает объективный закон жизни, неведомый героине, – тот закон, что любовь, завоеванная подлыми, преступными путями, сама становится преступной и все разрушающей силой.

В результате энергичная искательница счастья по-прежнему *несчастлива*: Вася мучается от совершенных злодеяний, муж, подозревающий измену, подумывает застрелить ее, Анисью. И золото ее уже не привлекает, становится ненавистным. „Мне и своего золота по горло, папенька...”, – горько заявляет она в ответ на предложение отца (Молокова), нашедшего золотой прииск, озолотить ее.

И все же энергичная Анисья не собирается отступать. Поиски счастья продолжаются. Решительная, смелая, Анисья предлагает любимому Васе новый план – *бежать* из дома Засыпкина, *бежать* из мира, где все пропитано *властью золота*, *бежать вместе*, чтобы быть *просто по-человечески счастливыми*. „Уйдем, Вася, отсюда – и конец делу...”, – заявляет она ему. Но и эта отчаянная попытка оказывается на грани провала. Вася, мучаясь моральным злодеянием (надругательством над Леной), а заодно и преступной связью с Анисьей, в минуту отчаяния признается во всем Засыпкину. Анисья пытается спасти положение, побег, спасти Васю, свою мечту о счастье. Она для этого лжет и прилюдно объявляет его сумасшедшим...

Признание Васи, и эта очередная борьба Анисьи за свое счастье – кульминация пьесы.

И тут наступает неожиданная *развязка бесплодных поисков счастья „на золотом дне”*. Беспощадная и бесчеловечная власть золота цепко держит в своих руках человека – индивидуальные усилия не способны помочь вырваться, а сам беспощадный мир дельцов полон тайн, преступлений, лжи, бесчеловечности. В ответ Засыпкин *в ужасе* открывает *многолетнюю* тайну: *Вася – его незаконный сын*. Следует многозначительная ремарка “Лена падает с криком”, – и сюжет завершен, занавес опускается.

Дальнейшая развязка, трагический финал осмысляется уже самим зрителем-читателем: Вася, с любовью к которому связывались последние надежды Анисьи на счастье, раздавлен *преступностью деляческого мира*, этим невидимым противником, постоянно присутствующим в пьесе. Вася не мог выдерживать и того, что совершил ранее. Теперь же, узнав многолетнюю тайну Засыпкина, он стал *одновременно: любовником своей сестры, любовником жены своего отца и любовником сводной матери*. Недаром в черновых набросках пьесы он бросается в воду и тонет. Да и Анисье уже не с кем бежать (а потом – куда?) и незачем бороться, ибо и она далека от понимания *действительного противника, мешающего каждому и всем быть счастливыми*.

Для ответа на вопрос: *что* несет золото другим героям? – автор рисует судьбы Молокова, Белоносова и Засыпкина, ярых *поклонников власти золота*.

Молоков – делец дореформенного закала. Он еще надеется на совесть и честность свою и других. Потому и выглядит наивным по сравнению с новыми, уже бездушными дельцами-хищниками – Засыпкиными и Белоносовыми, которые в стремлении к „золотому счастью” полностью *отбросили* любые проявления человечности. В пьесе есть экономическая сторона нового жизненного процесса. Засыпкин завладел приисками Молокова; у Засыпкина на службе Ширинкин, бывший слуга Молокова; дочь Молокова Анисья стала женой Засыпкина; он же подкупил адвоката Белоносова, цинично ведущего процесс между дельцами.

Но главное внимание приковано к анализу *бездуховного и аморального мира новых дельцов*, к решению вопроса: куда их ведет

полное подчинение власти золота, каким станет их „золотое счастье”. Комичен адвокат Белоносов в 1-м акте, пока мы знаем о нем только то, что он пьяница и легкомысленный пройдоха. Но совсем иначе он выглядит в сцене с Анисьей (д. 2, явл. 6), когда узнаем, что ради денег Белоносов готов на *любой самый низкий поступок*, что он лицемерно предает Молокова, потому что Засыпкин больше платит, что он обманывает и Засыпкина ради своей выгоды. Узнаем, что его пошлость и цинизм *не имеют предела*. Характер героя не изменился, он лишь раскрылся. Это Белоносов рассказывает легенду о всепоглощающей любви античного царя Мидаса к золоту и о той „уступочке”, которая, по мнению Белоносова, нужна, чтобы избежать участи злополучного царя, лишившегося из-за любви к золоту возможности есть и пить. Как следует понимать „уступочку” Белоносова, становится известно, когда он, оставшись один, изумленно восклицает: „Иногда сам себе удивляюсь, ей-богу... Сколько это нахальства и подлости в одном человеке может поместиться, и *совести ни капельки*”. Отказ от человечности – вот условие для „процветания” (даже при высоких технологиях) *обманчивого „золотого счастья*”. И эту „уступочку” принял Белоносов, не сознавая, что подписал себе *смертный приговор*. В этом – кульминационный момент сюжетной линии, связанной с его разрушительной в недалеком будущем судьбой.

Торжество новых хищников, как свидетельствует пьеса, временно. Это видно на судьбе Засыпкина. Обогатившись за счет разорения братьев Ширинкиных, „высосав” капитал из двух богатых жен, он должен бы считать себя на вершине блаженства, – но этого не произошло. *Золото не принесло счастья*. И он, по-прежнему считая, что золото всесильно, обратил вожделенные взоры на Анисью, решив хитростью и подлостью завладеть ее молодостью, красотой, любовью, чтобы хоть как-то скрасить богатую, но безрадостную жизнь и старость. Но с помощью золота купить любовь оказалось невозможным. „*Золотом в с е г о не купишь*” – делает вывод автор устами старой няньки Мосевны, олицетворяющей мудрость народа. Поддавшись власти золота, неизбежно теряем и губим себя, как убеждает жизнь и ход развития действия пьесы. Полный крах Засыпкина – это будущее, которое ожидает торжествующего пока Белоносова. На эту связь и намекает та же нянька Мосевна. Узнав, что Белоносов жаждет

обогащения, она предупреждает: „Жениться тебе, паренек, надо... замотаешься с деньгами-то!” Тот в ответ самодовольно смеется: „Женимся, когда время придет, а теперь на чужих жен посмотрим”. Однако так поступал когда-то Засыпкин: „Сам тоже был молодой-то, любил, где плохо лежит”, – вспоминает он о своих былых любовных похождениях. А теперь вот пожал их плоды. Жизнь тут подобна бумерангу.

В общем, у всех героев видно несоответствие личных замыслов и конечных результатов. Не привели к счастью хищнические замыслы Анисьи. Рушились хищные планы Засыпкина. Гадливость вызывают в финале поклонники золота Белоносов и Молоков. Несчастливы и сторонники человечности: бесплодны усилия Ширинкина и Марфы Лукиничны, обречены на гибель Вася и Лена...

Всем ходом событий пьеса свидетельствует: судьбы не являются результатом только субъективных факторов, в итоге отдельные судьбы всегда зависят от сил и процессов, которые характерны обществу в целом. Глубинные социальные противоречия и отражает главный конфликт комедии „На золотом дне” – непримиримый конфликт власти золота и человечности. Это потому, что, являясь объектом наживы, золото, деньги всегда разъединяют людей, делают их врагами, превращают в хищников, уродуют их духовный мир и мораль, рождают самые низкие, животные инстинкты, разрушают родственные и семейные чувства и связи. „Большая мусть от этого самого золота идет... На погибель оно, вот што”, – заявляет в пьесе старая нянька Мосевна. Это потому, что на таком пути средство неоправданно подменяет собой цель и тем губит ее. Таков объективный закон жизни. Поэтому „на золотом дне” счастья нет, – убеждает пьеса.

Такова основная идея данной трагикомедии. Поэтика ее такова, что пьеса Мамина-Сибиряка, как и пьесы А. П. Чехова, помогает читателю-зрителю размышлять самостоятельно над мечтами, поступками и результатами, ошибками горе-героев и делать собственные выводы из наблюдений над их трагическими судьбами. Нет сомнений, что актуальность этой пьесы со временем будет возрастать и прежде всего на славянских просторах.

Одновременно видно, что Мамин-драматург является предшественником Чехова-драматурга, который пошел дальше. Своими

известными трагикомедиями он доказал, что спасение – в *изменении мировоззрения каждого и всех*, в его качественном совершенствовании с учетом *объективных* принципов и законов, *всеобщих*, потому и личных, и социальных, и общечеловеческих.

Театрам, читателю, зрителю еще предстоит знакомство с подлинным Маминым-Сибиряком–драматургом, автором *социально-психологической пьесы с гуманной общечеловеческой значимостью, не знающей старения*. Эта пьеса предельно полезна в наш период мировоззренческого и методологического раздора.

Литература

1. Бауман Ел. Отцвели уж давно хризантемы...// Искусство кино.– 1958.– № 4.– С. 53–55.
2. Груздев А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк.– М.: ГИХЛ, 1958.
3. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников.– Свердловск: Б. и., 1962.
4. История русской литературы XIX века: Вторая половина / Под ред. проф. Н. Н. Скатова.– 2-е изд., дораб.– М.: Просвещение, 1991.
5. История русской литературы XIX века.– Т. 2.– Ч. 2 / Под ред. проф. С. М. Петрова.– Изд. 2-е.– М.: Просвещение, 1971.
6. Кулешов В. И. История русской литературы XIX в. 70–90-е годы.– М.: Высш. шк., 1983.
7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12-ти т.– Т. 6.– Свердловск: Б. и. 1949.
8. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10-ти т.– Т. 6.– М.: Правда, 1958.
9. Теплинский М. В. История русской литературы XIX века / Для студ. спец. „Укр. яз. и лит.“.– К.: Вища шк., 1991.
10. Удалов В. Название новое „На золотом дне“: Сообщение о находке окончательного текста пьесы // Лит. Россия.– 1968.– № 25.
11. Удалов В. Мамін-Сибіряк на Львівській сцені // Вільна Україна.– 1973.– 7 січ.– С. 3.
12. Свіяш А. У грошах – щастя // Яблуко.– 2001.– № 13.– 24 серп. – 7 верес.